

Александр Беляев — Сергей Мазур

## «Русскость» — вопрос, в котором я быстро разочаровался

*Александр Беляев, докторант PhD факультета антропологии Калифорнийского университета в Беркли в интервью для Альманаха рассказал о своих исследованиях в Латвии*

**Сергей Мазур:** Как получилось, что вы на целый год приехали сюда, в Латвию, в Ригу?

**Александр Беляев:** Специфика антропологии как дисциплины заключается в проведении этнографических исследований, которые, начиная с времен Бронислава Малиновского, традиционно длятся год. В то время, когда Малиновский занимался этнографией, он говорил о том, что год требуется для того, чтобы этнограф смог понаблюдать, поучаствовать во всех циклических празднествах, но многие историки антропологии говорят о том, что год довольно таки произвольный период, столько длилось своеобразное заключение Малиновского на острове, так как он занимался этим исследованием во время Первой мировой войны и не имел права передвижения.

Также вы спрашиваете, почему Рига, почему Латвия? Я вырос в Канаде, в Квебеке. Один из важных моментов моего отрочества заключался в конфликте по поводу истории в вопросе: что было? Это дело меня заинтересовало, и когда я начал учиться в аспирантуре, подумал о том, что было бы интересно работать на эту тему. Также очень четко помню одну минуту, когда сидел с родителями около телевизора. Показывали передачу на русском языке. Я узнал скандального латвийского афроамериканца, кричащего в камеру: нас, русских, притесняют.

Меня это потрясло, потому что никогда не думал, что чернокожий может идентифицироваться как русский. И я начал думать о том, что такое русский за пределами России. Наверное, в этом улавливалась и какая-то личная заинтересованность, так как все выходцы из России вдруг становятся русскими, когда они приезжают в Америку или в Канаду или, я уверен, в другие страны.

Так что первым летом, когда я сюда приехал и мы познакомились с вами, я не был уверен, хочу ли я быть в Риге или в Таллинне. Рига мне сразу же очень понравилась. Меня потрясло впечатление, что в одном городе сочетаются несколько исторических эпох: и старый город, и

центр, и также необыкновенная деревянная архитектура. Таким образом, выбор пал на Ригу, чему я очень рад.

**Сергей Мазур:** Что это за антропологическая школа, которую представляет Калифорнийский университет?

**Александр Беляев:** Антропология появилась в Америке с Францем Боозом, немецким евреем, который эмигрировал в Америку в конце XIX века. Он преподавал в Колумбийском университете в Нью-Йорке. Учеником Франца Бооза стал Альфред Кроубер, который, возможно, известен русским читателям как отец писателя-фантаста Самуила Лукина. Он и основал первый факультет антропологии на Западном побережье в Беркли. Это старейший факультет антропологии в США. Я думаю, что его отличие от других факультетов в наше время заключается в теоретической подготовке, которую получают аспиранты. Один из самых видных профессоров на нашей кафедре Пол Рабенрол работал с Мишелем Фуко, когда он преподавал в Калифорнийском университете. Он также стал одним из первых его переводчиков на английский язык и с тех пор наш факультет имеет определенную репутацию постструктуралистски ориентированного факультета.

**Сергей Мазур:** С каким заданием вы приехали?

**Александр Беляев:** Специфика этнографических исследований заключается в том, что исследователь не задает вопрос, который интересует его. Исследователь пытается найти тот вопрос, который интересует тех людей, среди которых он работает.

Первым летом я в Риге был заинтересован проблемой конфликта исторических интерпретаций. Вторым летом меня интересовала проблема лояльности и шире, вопрос гражданской добродетели и также вопрос негражданства. Но на сегодняшний момент я не скажу, что один из этих трех вопросов является центральным для меня. Так получилось, что с началом моего визита я начал работать с молодежью и вопрос по-

коленческого разрыва, вопрос преемственности русской культуры, вопрос понимания определенных политических практик, используемых в Латвии, стал для меня главным.

**Сергей Мазур:** То есть эту тему можно сформулировать как молодежь и политика?

**Александр Беляев:** Молодежь, политика и в каком-то плане русскость.

**Сергей Мазур:** Когда вы приедете, вы должны будете предоставить определенную работу. Это что? Диссертация, реферат?

**Александр Беляев:** Это докторская диссертация, которая является обязательной частью докторской программы. После того, как я ее напишу, я стану доктором наук.

**Сергей Мазур:** Что было полезного из встречи здесь в Риге для написания диссертации?

**Александр Беляев:** Могу сказать, что я работал с молодежными организациями и использовал этнографический метод включенного наблюдения. То есть я не только сидел в кабинете и записывал, я пытался непосредственно участвовать в мероприятиях.

Не могу ответить, что стало важным в интеллектуальном плане для меня. Действительно, появились определенные темы, о которых я раньше не думал. В личном плане мне было необыкновенно интересно чувствовать себя по-настоящему включенным в общественную жизнь, потому что университет мне никогда этого не позволял. По натуре я довольно замкнутый человек, и мой этнографический опыт был необыкновенным именно потому, что я познакомился с активными, заинтересованными, доброжелательными людьми. И когда время моего визита подошло к концу, я понял, как мне повезло. Мне кажется, что современный мир характеризует принцип отчужденности от чувства общности. Но в Латвии меня заставили мою отчужденность забыть, это важный жизненный урок.

**Сергей Мазур:** В Америке какой вам город ближе?

**Александр Беляев:** Тяжелый вопрос, особенно для эмигранта или эмигранта моего толка. Я очень люблю Беркли, я чувствую себя в нем более живым, чем в Торонто. Беркли — это университетский город. Но для меня главное то, что придает интенсивность жизни.

**Сергей Мазур:** Вы в основном знаете то, что происходит в университете?

**Александр Беляев:** Большинство университетов в Америке имеют кампус. Кампус есть нечто огражденное от внешнего мира, как некий остров. Я это хорошо почувствовал, когда про-

изошел финансовый кризис. О наступившем кризисе узнал только через неделю.

Аспиранты и особенно в Беркли политически ангажированны. Беркли как город и Сан-Франциско гордятся своей политической историей и всегда полны оптимизма. У нас при входе в одну из центральных библиотек висят большие стенды с первыми полосами газет со всего мира на английском языке, обновляющихся каждый день. Я всегда испытываю чувство ностальгии, когда я стою и читаю, потому что они мне напоминают стенды в Москве. Я не знаю, они в Москве обновлялись ли в конце 80-х, но я помню это как сам факт.

**Сергей Мазур:** Можно ли сравнивать молодежь Беркли с латвийской молодежью?

**Александр Беляев:** Я не знаю, можно ли сравнивать, но можно различать. Круги, в которых я вращался здесь, крайне неоднородные. Я говорю о тех организациях, в которых я «тусовался». Использую слово «тусовался» как перевод английского выражения hanging out, одно из таких популярных выражений, deep hanging out, что в переводе на русский может обозначать глубинная тусовка. Ребятам от 17 до 29 лет. Они учатся на различных факультетах, некоторые из студентов работают, некоторые даже еще учатся в школе, то есть масса довольно-таки неоднородная. Те круги, в которых я вращаюсь в Беркли, они очень закрыты, и не формальным, а естественным образом. С аспирантами трудно общаться, с ними скучно, они всегда пытаются говорить на какие-то отвлеченные от жизни темы и поэтому далеко не у всех есть, как я называю, друзья из настоящего мира.

Вот этот вопрос мира, наверное, для меня в Риге стал определяющим. Здесь я почувствовал себя частью мира, а не какого-то закрытого сообщества.

**Сергей Мазур:** Если пофантазировать, можете выделить хотя бы три темы, которые чаще всего затрагиваются в Беркли, какие-то темы, которые чаще всего затрагивались здесь, в Риге столь неоднородным сообществом молодежи?

**Александр Беляев:** В Беркли самая главная тема это война, война в Афганистане, война в Ираке. Здесь я об этом никогда ни с кем не говорил.

В Латвии же главный вопрос это вопрос будущего, который формулируется по-разному, иногда в рамке программы развития, иногда в рамке идеологии. Будущее является основополагающей темой, с моей точки зрения, при разговоре о политике.

**Сергей Мазур:** Мне казалось, что будущее

формулируется на каких-то политических конгрессах. Неужели в неформальной обстановке молодежь с вами беседует о будущем?

**Александр Беляев:** Ни в коем случае не провоцирую те разговоры, которые происходят. Я считаю, что вам с молодежью очень повезло, Сергей. Мне кажется, что нужно разделять формальное образование от неформального образования. Считаю, что такой феномен как неформальное образование существует. Я также считаю, что существуют различные виды интеллектуальных культур, одна из них академическая, другая — социальная. И в то время как молодежь, возможно, не знает источников своих представлений о мире, мыслят они крайне креативно.

Меня до сих пор поражает факт, как латвийская молодежь, отработав или отучившись 8 часов, приходит на семинар и начинает разговаривать на темы экономического развития, идеологической работы, будущего.

**Сергей Мазур:** Вы сказали, что молодежь не знает источников своих представлений о мире. Чем-то эта ситуация напоминает мне опыт раннехристианских общин I и II века, которых в специальной литературе обозначили гностическими сектами. Смысл опыта извлекался мифопоэтической метафорой — дети забывают своих родителей, твари своих творцов. То есть дети впадали в состояние дикости. Вот вам и раскол поколений. Раскол преодолевался появлением Пистис Софии, которая приносила истинное знание об источниках. Хотя архонты, в некотором смысле — молодежь мифов гностиков была исключительно изобретательна, творчески неподражаема в поисках способов отращения от источников, от знания.

Извините, Саша за отступление.

Чем же ситуация в Беркли похожа или отличается от того, что здесь в Латвии?

**Александр Беляев:** Мне кажется, что в Беркли довольно структурированная среда, потому что это университетский городок, то есть там есть определенная инфраструктура, которая порождает феномен публичности.

Это город, где полно кафе, где много парков, где студенты сидят на лужайках и разговаривают на какие угодно темы. Молодежь сама создает себе пространство общения. В Беркли гораздо легче с американцами разговаривать, чем здесь с русскими. Американцы более разговорчивые. Можешь просто повернуться в театре или на улице и начать разговаривать о чем угодно. В Латвии же нужно создавать специальные места, пространство для общения. Когда я здесь пытаюсь с кем-то заговорить в театре, на меня

начинают косо смотреть. Мне кажется, кто-то об этом писал. Не могу процитировать сходу. Русская культура характеризуется открытостью в частных пространствах, в то время как американская культура характеризуется открытостью в публичном пространстве. В Америке разницы между тем, как человек будет себя вести в театре или на улице и тем, как человек себя будет вести дома, когда вы с ним общаетесь, ее не будет. А в Латвии разница есть. Вопрос не в том, что русские более закрыты, нежели американцы, а в том, где русские более закрыты, а где они более открыты и где американцы более открыты или более закрыты.

**Сергей Мазур:** В Беркли есть русские центры?

**Александр Беляев:** Сан-Франциско имеет очень древнюю русскую историю, как и все западное побережье Америки. Один из районов Сан-Франциско называется русский холм «Russian Hill». В Беркли есть православная церковь, куда ходит много представителей белой эмиграции. В университете есть ассоциация русских студентов, как и во многих других университетах. Этнический тип самоорганизаций студенческих обществ довольно-таки развит как в Америке, так и в Канаде. В Беркли очень сильный центр славистики, где устраиваются различные мероприятия, куда приглашаются профессора из России. Непосредственно в институте славистики функционирует несколько рабочих групп, например, группа по русской истории, группа по культуре постсоветского пространства. Студенты, которые работают над диссертацией, зачитывают главы из диссертации.

**Сергей Мазур:** В связи с чем возникает вопрос русскости? Вы обозначили три составляющие вашего исследовательского интереса: молодежь, политика и русскость. В Беркли русскость имеет отношение к академической работе. Русскость возникает в связи с чем? Что ее вызывает?

**Александр Беляев:** Сергей, вы задаете очень тяжелый вопрос, который будет центральным в моей аналитической работе.

Вопрос, в котором я быстро разочаровался, это вопрос о взаимоотношениях между русскими и латышами. Или вопрос о том, что такое быть русским в Латвии.

Любой уважающий этнограф, который имел практику этнографической работы, предупредил бы меня о том, что эти вопросы задавать не стоит, но я должен был убедиться в этом сам. Почему их не стоит задавать? Не потому, что на них ответа нет, именно потому, что на них ответ есть, но он готов заранее. А готовые

ответы меня не очень интересуют. Есть много антропологов, которые заинтересованы в ритуале. И если бы я был заинтересован в ритуале, я бы, безусловно, этот вопрос задавал и описал бы структуру возможных ответов, описывая их возможные вариации. Но меня как этнографа интересует мыслительный процесс, созидательный процесс, и также меня интересует процесс в контексте того, что я условно называю русскостью. Безусловно, можно говорить и многие говорили о русскости как о нечто таком, что провозируется государственной политикой, что является определенной реакцией. Но те группы, где я работал, для них русскость была скорее проблемой, определенным пространством для вопрошания. Когда буду готовить диссертацию, подумаю о том, как русскость проблематизируется, но не стану думать о вопросах русской идентичности как о нечто данном.

**Сергей Мазур:** Иногда мне представляется, что тема русскости возникает в специально организованном пространстве. Допустим, соби-

рается конференция соотечественников. Именно здесь выходит на трибуну представительница какой-нибудь молодежной организации. Она говорит о русскости, потому что такова тема доклада. А за пределами этого организованного пространства самые актуальные темы, где выпить пива, купить новое платье.

У вас не возникло такого впечатления?

**Александр Беляев:** Во-первых, я только работал в организационном пространстве, как я уже сказал, а во-вторых, организация организации рознь. Пространство можно организовывать по-разному. Можно организовать пространство, где мы говорим о русскости как о нечто данном, о том, что мы должны защищать. Можно организовать пространство, где мы задаем себе вопрос, а что такое русскость, что такое быть русским? Мне кажется, что это абсолютно разные пространства, что они привлекают абсолютно разных людей. Я работал во втором, а не в первом пространстве.